

ПОБЕДИТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА НДК
НАДЯ СОВА

СТАНЦИЯ
МХО

Надя Сова

Станция Лихо

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69175726
Надя Сова. Станция Лихо: РОСМЭН; Москва; 2022
ISBN 978-5-353-10172-7

Аннотация

Роман в жанре фольклорного фэнтези, лауреат читательской номинации конкурса НДК-2021 издательства «Росмэн». Каждый из нас наверняка задавался вопросом: а что будет, если заснуть в метро и уехать в депо? Яна обязательно узнает это, ведь однажды она окажется в другом мире... Или не совсем другом, но измененном почти до неузнаваемости. Там обитает то, что угрожает самой реальности, а сам мир плотно заселен существами, о которых в нашем мире говорят с опаской и уважением. Возможно ли выбраться из этого странного мира и вернуться домой целой и невредимой? А если и возможно, то есть ли шанс остаться прежней?

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Гл. 1	6
Гл. 2	24
Гл. 3	45
Гл. 4	63
Гл. 5	80
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Надя Сова

Станция Лихо

© Надя Сова, текст, 2022

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2022

* * *

*НО ЧТО, ЕСЛИ ЖАЖДА ДЕЛАТЬ ЗЛО СТАНЕТ
ЧУТЬ СИЛЬНЕЕ?*

«ЗЛО»

«ЭЛЕКТРОФОРЕЗ»

Гл. 1

Я стояла, ждала автобус и ощущала, как под ногами проносится поезд.

Станция метро была неглубокая. Если верить «Википедии» – всего восемь метров. И это знание вызывало у меня чувство непонятной тревоги. Казалось, что сейчас асфальт провалится в тоннель, прямо на несущийся состав. Попадают люди, автобусы, маршрутки. Больше никто не будет кричать: «Кинешма – Иваново»...

Поезд снова загрохотал где-то под землей, а к остановке наконец-то подъехал автобус, чтобы отвезти меня вглубь

района.

Утрамбовавшись в салон и зависнув между поручнем и огромным рюкзаком какого-то туриста, я закрыла глаза. Мне постоянно хотелось спать, а особенно сильно клонило в сон, когда я вспоминала о предстоящей дипломной работе. Огромный холст лежал дома и ждал, пока я про него вспомню. Тему мне утвердили совсем недавно, я уже успела забыть, что хотела рисовать, и теперь надо заново придумать. Или искать заметки.

– Девушка, вы на следующей выходите?

В автобусе стало заметно свободнее, я открыла глаза и пропустила рюкзак поближе к двери. Еще через пару остановок можно было сесть, я ехала до конечной.

Рядом с лесом стояла моя обезличенная панелька с какими-то потрепанными аистами на крышах подъездов, через двухполосную дорогу начинался сам лес. Я здесь часто гуляла, когда училась в школе. Зимой мы даже ходили сюда на лыжах с классом. Поход в лес я любила, а лыжи нет. После школы я в лес почти не ходила, то было некогда, то не с кем. Туда теперь навевалась только моя бабушка, причем в любую погоду и обязательно до полудня. Не знаю, с чем была связана эта странность, но она мирилась же с моими загонами, поэтому я не лезла в ее.

Зевая шире, чем открывались двери лифта, я добралась до квартиры, включила свет, поставила разогреваться ужин. Бабушка попросила порезать салат, поэтому я, игнорируя

холст, решила заняться тем, на что точно потрачу не больше получаса. Пока я превращала огурцы в неровные кубики, мысли бродили вокруг темы. Достаточно странной темы.

Работа должна была называться «Последний знающий», а это придумала в октябре, когда нас всех спрашивали, что мы будем рисовать на диплом. Еще решила выпендриться и написать «ЗНАЮЩИЙ». И что я вообще имела в виду?

С октября я про диплом не вспоминала. А уже надо было предоставить несколько миниатюр для утверждения, только у меня не было ни одной дельной мысли.

Бабушка вернулась с работы, опять пожаловалась, что скоро ее сократят и придется выходить на пенсию. А потом добавила, что ей уже так надоело кататься на предприятие, там из стариков совсем никого не осталось. Не с кем поговорить.

Я слушала эту историю и улыбалась. Хоть моя старушка и переживала, что ей нечего будет делать на пенсии, занятие она себе давно уже придумала. И это занятие с начала зимы стояло у нас на окне и выращивало какую-то зеленую слизь в банке.

– Это хлорелла, полезно для почвы, – говорила бабушка каждый раз, когда я порывалась избавиться от банки.

– Ну хлорелла так хлорелла, я рисовать.

Мысленно я обещала себе, что, когда бабушке надоест возиться с этим органическим удобрением, я его выкину. Собственноручно. Слизь к тому же периодически странно дви-

гальса в банке. Надеюсь, мне просто глючилось от тревожности.

Опять я просидела перед холстом до трех ночи, но так ничего и не придумала. Беспокойная бабушка вставала каждые полчаса, ворчала, что я еще не сплю, и уходила обратно. В итоге сон победил, и я провалилась в черную дрему до будильника.

К счастью, на следующий день мне никуда не надо было ехать, поэтому я выключила раздражающую музыку и разрешила себе спать дальше.

Заканчивая школу, думаешь, какая же крутая жизнь у студента, столько всего происходит. Становясь студентом, начинаешь гадать, как же свободно живетса тем, кто уже завершил обучение и теперь просто работает. И каждый раз это одни и те же грабли. После вуза, особенно когда во взрослой жизни случается какой-то лютый факап, хочется вернуться назад, туда, где многое за тебя решали родители и ответственность несли они, а не ты. Почему-то я была уверена, что у меня в итоге возникнут именно такие мысли. Не знаю, что ощущали однокурсники, да они и не стремились это рассказывать.

Я так ни с кем и не подружилась в вузе, как была в школе замкнутым воробышком, так и осталась. В творческой атмосфере было проще спрятаться, свернуться у холста в улитку, и никто тебя не трогает. Не зовешь общаться, и не надо.

Я снова вернулась к замученному пустотой холсту и села

рядом. Чтобы не смотреть на белое пространство в тишине, я включила свой любимый плейлист. Эти песни могли крутиться по сто раз одна за другой, и образы не надоедали.

Говорят, что лучший способ закончить работу – хотя бы начать ее. Я взяла карандаш, попыталась найти клячку, которую всегда держала под рукой, но она куда-то пропала, как и все ластики. Поэтому я просто стала набрасывать миниатюру в маленьком блокноте.

Идея приходила постепенно. Сначала я видела ее пятнами, яркими желтыми, с голубыми всполохами. Это должна была быть игра контрастов. А еще смыслов, символов, всего того, что я успела прочитать по запросу слова «знающий», пока искала заметки. Как назло, ни заметок, ни сохраненных статей на эту тему у меня не оказалось. Откуда вообще взялось это название?

Карандаша стало мало, я начала подбирать краски. В чате нашего курса написали, что завтра крайний срок, когда можно принести сырую работу. Опять я все оставила на последний день. Хорошо, что не на час, как это было на первом курсе.

От воспоминаний о первой сессии я содрогнулась.

Плейлист дошел до конца и начался заново. Была секунда тишины, которая оказалась оглушительной и буквально выкинула из головы все мысли.

А когда они вернулись, я словно увидела эту работу: заканчивался тоннель, скорее всего это метро, я такие стены

видела на фотографиях на стенах новой станции, а за тоннелем золотое, с зелеными пятнами поле. В поле лежал человек. Одет обычно, так сейчас модно – пальто, широкие брюки, белые кроссовки. На нем была еще шляпа. Правда, теперь она отлетела и валялась где-то в траве.

Человек был ранен, из его ран росли молодые побеги.

Поле осеннее, золотые колосья уже перезрели и стали осыпаться, а среди них торчали сухие цветы.

Мне кажется, этот человек что-то знал, хорошее или плохое – непонятно. И его за это знание убили.

Да, его точно убили, после таких рубленых ран не выживают, даже в кино.

Таким мне снова представился «Последний знающий», самую первую свою идею я уже давно не помнила, а эта мне понравилась. Одинокий молодой человек, жизнь которого завершилась таким жутким образом, вокруг больше никого. Только поле, которое стало для него могилой.

Когда бабушка вернулась с работы, я почти закончила картину. Про обед так и не вспомнила, зато была очень довольна результатом.

– Опять не поела? Что хоть нарисовала? Снова страсть свою?

– Нет, не страсть, смотри, сколько света. – Я улыбнулась. Бабушка покачала головой:

– Откуда ты только берешь эти образы...

Ответ ей был не нужен, мы давно уже перестали с ней ру-

гаться на тему того, что я делаю. Просто обе поняли, что живем в разных мирах и бесполезно перетаскивать друг друга на свою сторону. Бабушке очень не нравились картины, которые я рисовала, она считала, что я к себе приманиваю все темное в этом мире. Надо создавать светлое, чтобы в жизни было больше света, а тьмы и так достаточно, весь интернет во тьме.

– Спать чтобы легла нормально!

– Хорошо, баб.

Я решила отвезти картину в вуз, чтобы там ее закончить, а заодно и показать куратору. Откопала подходящую сумку, замотала холст в газету и поехала в институт. Телефон забыла поставить на зарядку и надеялась, что он доживет до аудитории, где можно воткнуться в свободную розетку и не переживать, что связь с миром прервется.

Автобус, метро, убаюкивающие шумом поезда. Я проснулась, когда пропустила свою станцию, выскочила из вагона, еле проскочив в закрывающиеся двери, и только на платформе поняла, что забыла холст. Состав махнул мне хвостом и скрылся в тоннеле.

Мир сузился до одной точки удаляющихся фар, а потом и вовсе растворился в темноте. В смысле я оставила холст?!

Я ругнулась так, что дежурящие на станции полицейские посмотрели на меня косо.

Первая мысль, которая пришла мне в голову, была страшной: картину надо рисовать заново. Вторая оказалась более

логичной: позвонить в отдел находок метро и спросить про холст. Я надеялась, что, пока ищу номер, куда звонить, какая-нибудь добрая душа отнесет мою картину дежурному по станции и тот, в свою очередь, передаст ее на склад забытых вещей. Я в панике гнала мысль, что картина потеряна безвозвратно. Я же только ее нарисовала. Ну как можно было ее забыть? Сегодня же последний день сдачи, если я сегодня не привезу хоть что-то, деканат меня повесит, буквально.

Смысла ехать в универ не было, поэтому я села в поезд до дома, подключилась к вайфаю в вагоне и стала искать контакты отдела находок метро. Позвонить я решила, когда окажусь в тихом месте, где-нибудь на улице во дворах, а не на шумной станции. Заодно этого времени должно хватить, чтобы моя картинка добралась до склада.

В очередном перегоне вайфай отвалился, я включила загруженный в память телефона плейлист и закрыла глаза. К счастью, зарядка пока что позволяла.

У студента в метро, как у собаки Павлова, срабатывает рефлекс: сел – заснул.

Я снова вырубилась.

* * *

Красная лампочка мигала, била прямо в глаз. Гудело электричество. Я хорошо знаю этот звук: когда поезд в тоннеле останавливается, все разговоры прекращаются и ты просто

сидишь и ждешь, когда мы все поедem дальше. А вокруг гудит. Оглушительно громко гудит. Только обычно в этот момент лампочка не мигает, просто горит свет в вагоне и все терпеливо ждут. А в первом вагоне машинист переговаривается с диспетчером, слушает номера составов и ждет команды.

Я открыла глаза и села. Лампочка висела прямо надо мной и с тихими щелчками гасла и загоралась вновь. Поезд стоял на станции, открыв все двери, даже со стороны стены. Кроме меня, в вагоне больше никого не оказалось. На станции в принципе вообще никого не было: ни дежурных, ни уборщиков, ни патрульных полицейских. Стоял полумрак, местами мигали те самые раздражающие красные лампочки, и непрерывно гудело электричество.

Сколько же я спала?

Я потеряла лицо, встала и вышла из вагона; меня немного шатало и подташнивало.

– Ложись!

Меня оглушил чей-то вопль, а потом грохот. Станция содрогнулась, и я упала на пол.

– Уходим! Нет, стой! Прячься, прячься!

Моментально нахлынувшая паника отключила все эмоции. От беспорядочных команд у меня закружилась голова, и я быстро на корточках вернулась в вагон и села между сиденьями в самом углу. Мозг лихорадочно пытался вспомнить, планировались ли сегодня какие-нибудь митинги, не преду-

преждал ли кто в телеграме об акциях и в принципе о каких-либо слухах про внезапные нападения. Память была пуста. Я никогда не сталкивалась с беспорядками, всегда обходила стороной толпы, свято была уверена, что темная часть человеческой жизни меня никогда не коснется. И обычно не касалась. В спальном районе, который я редко покидала, ничего не происходило. К счастью.

Я огляделась в поисках того, кто кричал: в воздухе клубилась пыль, а пол был усыпан стеклянной крошкой от выбитых окон. Как оказалось, пряталась здесь не я одна. В паре метров от меня лежал какой-то мужчина и крутил антенну у рации.

– Прием-прием, штаб! Штаб, прием! Черт, не ловит.

Мужчина опустил рацию и посмотрел на меня.

– Вроде станция неглубоко находится, а все равно не ловит, – с досадой сообщил он мне. – И бутылку забыл, можно было бы через воду позвать.

Я неопределенно кивнула, не зная, что сказать. Обычная конечная, пути в одну сторону, пути в другую. Странное место для боевых действий. Как комментировать воду, я вообще не поняла.

Пылевое облако немного рассеялось, мужчина аккуратно забрался на сиденье и выглянул на платформу.

– Пусто, идем.

Я даже не стала спрашивать, почему мне надо идти с ним. Как минимум я не понимала, что происходит, как максимум

он что-то точно понимал. По крайней мере, знал куда больше меня. Паника не отпускала, билась где-то в районе подбородка тревожным сгустком. Я попробовала выяснить, что я чувствую, – ничего. Просто отупение и ожидание дальнейших событий. Так всегда: в момент, когда хуже уже быть не может, ты просто смиряешься и ждешь, когда твои догадки либо подтвердят, либо опровергнут.

Один выход со станции был завален полностью, а возле второго стояли двое: кажется, дружелюбные «наши». Они отмахивались от остатков дыма и стряхивали цементную крошку с волос.

– Эй, чуваки, – мой незнакомец помахал рацией, – вы там как?

– Если бы не взрыв, было бы лучше, – усмехнулся один из них.

Я пригляделась и увидела, что у него за поясом заткнут топор. Подходить к мужчинам сразу резко расхотелось. Я затормозила и нервно оглядела всю станцию целиком. Здесь ничего не изменилось, за исключением урона от взрыва и кучи листовок, которые развесили по колоннам и стенам.

– Хорошо, что никого не завалило, – проговорил второй.

У него я никакого оружия не заметила, правда, он мог прятать его под полами широкого пальто. Такое пальто было нарисовано на картине. Я расстроено подумала о потерянном дипломе.

– Что вообще произошло? – снова заговорил тот, что с

топором. – Вроде тихо должно быть.

– По улице шел рейд. Они в спальные районы обычно редко заглядывают, чисто для галочки, и в метро не спускаются, я с шоссе сюда ушел от них, а потом рвануло. – Молодой человек в пальто засунул руки в карманы.

– То, что рвануло, это мы все заметили.

Мужчина с топором меня очень беспокоил. Мне постоянно казалось, что он сейчас начнет истерить или размахивать своим оружием, потому как говорил он с претензией в голосе, всем своим видом показывая, насколько он недоволен, крайне недоволен и вот-вот сорвется.

– Взрыв – это, скорее всего, акция протеста, – вклинился третий. – Такие взрывы были еще на соседних станциях. Еще должно бы рвануть у МЦК, но, видимо, не успели подготовить.

Мы все разом повернулись к говорившему.

– Твоих рук дело? – уточнил парень в пальто.

Да ты что! Я вообще в этом не разбираюсь.

Он соврал не моргнув глазом, я была абсолютно уверена, что соврал. Разговор по рации, команды – он точно в этом замешан. Но спорить с ним не стали.

– Сейчас набегут гвардейцы со всей Москвы, вот повеселимся. Самый тихий район был, нет, блин, надо влезть и все испортить, хочу посмотреть в глаза тому, кто это затеял. – Нервный все больше оправдывал мои опасения.

– Ребята, погодите. – Я поняла, что если сейчас не подам

голос, то остатки разума меня окончательно покинут. – Что вообще происходит? Почему метро не работает? Какие гвардейцы? Почему у него топор?

Теперь все уставились на меня, будто впервые увидели.

– Так, последствия взрыва все-таки есть, – проговорил зачинщик, ловко уводя тему от провокации, – кому-то память отшибло. Имя хоть свое помнишь?

– Яна, – ответила я немного обиженно. – И я помню все, что было до... – я запнулась, – до того, как я заснула в вагоне. А что сейчас происходит, вообще не понимаю.

– Так, надо уходить, – встрепенулся тот, кто в пальто. – Он прав, сейчас сюда нагрянут и быстро расскажут нам всем, что происходит и как с этим жить. Спойлер: жить не придется.

Врун с рацией осмотрел еще раз место взрыва, ничего не нашел, махнул рукой и поспешил прочь. Первым влетел по лестнице, прошел через неработающие турникеты с полуманнскими дверцами, толкнул стеклянную створку и вышел в переход.

На дверях, которые обычно так тяжело открываются и могут снести с ног даже тяжеловеса, я увидела кучу объявлений о пропажах, яркие алые листовки и какие-то лозунги. Сквозь эту толщу бумаги просвечивал силуэт дерева.

– Склерозная, ты идешь? – окликнули меня.

Внутри сразу поднялась волна гнева – мы еще даже не познакомились, а мне уже клички придумывают. Судя по интонации, это сказал тот, который никак не мог убрать свою чер-

тову рацию. Я промолчала. Привыкла молчать. Лишь больше съежилась, пряча нос в куртку, проглотила обиду.

Наверное, не стоило идти в самом конце. Если на нас могут напасть, как сказал один из новых незнакомых, то мне достанется первой, да и прикрыть я никого не сумею.

На улице все мои мысли улетучились: с головой накрыло реальностью, но только не моей. А какой-то подмененной и безжизненной.

Шоссе было пустое и тихое. Там, где всегда скапливались пробки из-за уезжающих в область автобусов, гулял ветер. На остановках лежали перевернутые машины с выбитыми стеклами, погнутые велосипеды. И повсюду я видела расклеенные листовки, их перепревшие листы лежали под ногами. Краска почти вся вымылась, но я смогла разглядеть пару слов: «переезд» и «центр».

– Глядите в оба, – снова подал голос тот, кто в пальто, – взрыв наделал много шума, и незамеченным он не останется.

В подтверждение его слов на дороге показался уазик. Он остановился, не доезжая до перехода, открыл двери и вывалил на тротуар кучу людей в черном. У каждого на груди было перевернутое дерево, по форме точно такое же, какое я видела на дверях в метро. Густые корни и такая же густая крона, как ни крути – будет одно и то же. Лиц у гвардейцев не было видно, все закрывали черные шлемы странной формы, будто дизайнер вдохновился богатырским снаряжением.

– Наверное, не стоит говорить, что это все мне напомина-

ет, – бесцветно произнесла я и перевела взгляд на спутников.

– Не стоит, – согласился мужчина с топором в руках – и когда только успел выхватить его из-за пояса. – Бежим!

Вслед за его словами застрекотали пули, вокруг нас полетели во все стороны ошметки асфальта вперемешку с листовками.

– Почему по нам стреляют? Они что, думают, это мы подрыв устроили? – Я бежала, молясь, чтобы ни одна пуля меня не задела.

– Им не надо думать, – обернулся на ходу первый и выкинул из кармана рацию. – Они нас видят, вот и вся математика.

Мы бежали через дворы, за нами по пятам гнались люди в черном. Гвардейцы – если быть точнее, странные гвардейцы в черном – топали так сильно, что содрогался асфальт. Нас вел молодой человек в пальто, видимо, он хорошо знал район. Мой район. Будь у меня побольше смелости, то я бы придумала, куда здесь можно было спрятаться. Но сейчас я просто бежала за всеми. Споткнулась, налетела на чью-то спину, извинилась и побежала дальше. Топот становился все глуше, в спины больше не стреляли.

Спальные районы не отличаются активным движением, в отличие от центра. Но здесь всегда можно было встретить гуляющих с собаками, детей, медленно бредущих в никуда старушек, иногда смеющиеся парочки. Автомобилисты умудрялись устраивать пробки на самом обычном перекрестке. Из

окон нижних этажей пахло жареным луком и капустой.

Район был живым. Был.

Мы бежали быстро, но даже так я обратила внимание, как изменились знакомые с детства дворы. Они просто вымерли. Ни собак, ни людей, ни даже птиц, вездесущих голубей, этих летающих крыс, которые всегда оказываются ровно в той части ландшафта, куда ты смотришь. Серые, грязные, частенько припадающие на одну искореженную лапку. Не было даже их.

Остановились мы только у леса. Так быстро я свой район еще ни разу не пересекала. Подъезды везде оказались открыты настежь. Я сначала подумала, что мы сейчас свернем к моему дому, даже собралась идти туда, но парень в пальто нырнул в ближайшую дверь и стал быстро подниматься по лестнице. Цифры здесь были написаны от руки и уже стали слезать. Весь первый этаж тоже кто-то заклеил объявлениями. В полумраке я смогла прочитать, о чем шла речь. Дом выселялся, все жильцы обязаны были в течение двух дней переехать в выделенные для них комнаты в центре города. Спальные районы больше не обслуживались. Кто хотел защиты и стабильности, должен был покинуть свой дом немедленно. Защита и стабильность. Что именно успело случиться, пока я спала в метро, что эти два слова стали такими важными? Нет, они всегда были важными, но обычно подобные объявления спекулировали социальными выплатами и обещанием всяких плюшек. А не спешной необходимостью по-

кинуть родной дом, бросив все нажитое.

На седьмом этаже я долго смотрела на цифру, намалеванную от руки синей краской, порядком облезшую, и пыталась понять, почему выбрали именно этот этаж. Мозг цеплялся за любую возможность отвлечься.

– Не верх и не низ. Сложно догадаться, что мы именно здесь, – объяснил парень, поймав мой взгляд.

– А мы будем на лестничной площадке стоять? – спросила я, не особо веря, что квартиры оставили открытыми так же, как подъезды.

Снизу, с улицы, донеслись звуки – гвардейцы обшаривали дома. Мне казалось, что паниковать дальше уже некуда, но тревожность пробила дно, и я готова была сползти по стеночке: ноги не держали. Стала сказываться усталость от сильной гонки.

Мужчина с топором улыбнулся, достал из кармана инструмент, похожий на отвертку, и быстро вскрыл дверь квартиры.

– Добро пожаловать. – Дверь со скрипом открылась, выдыхая на нас спертый, гнилой воздух. – Не благодарите.

– И не думали, – сострил тот, кого я встретила первым.

– Может, тогда на лестнице перекантуешься? – Шутка явно не зашла взломщику.

Снизу донесся чавкающий звук, смешанный с рыком, и мы моментально нырнули в квартиру.

Гл. 2

Мы сидели вчетвером на одном диване. Все слушали, что доносится с улицы.

На улице было тихо.

Никаких привычных сигналов машин, криков играющих детей, переругиваний у подъезда. Никто не парковался и не выезжал из района, не жег сцепление и не тормозил. Даже привычное «туц-туц» не доносилось сквозь этажи.

Район был мертв.

Я засунула руки в карманы куртки и в одном нащупала телефон. Быстро достала посмотреть, есть ли связь. Оказалось,

очень вовремя: телефон сообщил, что от зарядки остался один процент, и отключился. Пришлось его убрать обратно; так и не дождался мой верный друг розетки в аудитории. Во втором кармане были маленький блокнотик и карандаш, которые всегда со мной, на тот случай, если захочется порисовать, я их даже никогда не выкладывала из куртки. Я сжала карандаш в руке, хотела было достать, но в итоге не стала.

– Почему так тихо? – спросила я, досада на телефон жгла, рисовать не хотелось.

– Так спальный район же, тут давно никто не живет. Все в коммуналках в центре ютятся. Только гвардейцы иногда патрулируют, чтобы про порядки не забывали. Но людям нет дела до окраин, в центре безопаснее, меньше вероятности на всяких-разных нарваться.

И опять тишина. Теперь я пыталась услышать топот гвардейских сапог, но его не было.

– Может, они про нас забыли и ушли? – снова задала я наивный вопрос.

Парень в пальто улыбнулся, посмотрел на меня, потом на остальных и встал.

– Раз судьба нас всех здесь собрала, то давайте хотя бы познакомимся, – сказал он. – Меня зовут Егор.

– Фома, – буркнул тот, что таскал с собой топор.

– Юрий, – отозвался мужчина, который привык врать; надеюсь, хоть здесь он сказал правду.

– Уже говорила: Яна. – Я махнула рукой.

– Приятно познакомиться, – подытожил Егор.

И зачем это? Формальность? Вряд ли этот Егор думал, что теперь мы друзья навек.

Сквозь протертые шторы в квартиру забирался ровный серый свет, достаточный, чтобы увидеть детали, при этом скрыть секреты в темных углах. Поэтому я присмотрелась к своим попутчикам. Они были не такие уж взрослые, как мне сначала показалось. Лица уставшие, но молодые, без лишних морщинок, волосы без седины. Неизменными мешками под глазами и синяками никого не удивишь, они давно были не в новинку, а порой даже модными.

Фома выглядел старше всех, словно именно по нему жизнь успела проехать всеми своими колесами. Юрий постоянно мельтешил. После того как выкинул рацию, он никак не мог найти занятие рукам: то застегивал и расстегивал куртку, то доставал из карманов перчатки и убирал их обратно, то начинал перевязывать шнурки. В какой-то момент у него из кармана вместе с перчаткой выпала какая-то скомканная бумажка, по цвету похожая на висящие внизу листовки. Юра быстро запинал ее под шторы, посмотрел на нас, не заметили ли, сделал мне страшные глаза и убрал перчатку в карман.

Только Егор стоял как статуя и слушал. Парни вроде него мне нравились на картинках, но я ни за что не подошла бы к такому на улице или в компании. Вид у подобных Егору всегда был прекрасный и неприступный, эти за девушками не бегают. Что уж бегать, они смотрят на них лишь иногда

и вскользь.

– Вроде никого нет, – выдохнул Фома и встал.

Он аккуратно подошел к окну и отодвинул штору, та поволокла за собой скомканную листовку, стирая слой пыли. Фома примял бумагу ногой и дернул штору, на которую тоже наступил. Из-под ткани что-то быстро пробежало через всю комнату и юркнуло под диван. Я чуть не заорала.

– Ну надо же! – Юра низко наклонился и заглянул под диван. – Домовой еще жив.

– Мне нужен психолог, нет, психиатр, медикаментозное лечение. – Я подтянула к себе ноги, обняла колени и спрятала в них лицо. – Я ничего не понимаю! Какой домовой? Из сказки?

Меня колотило так, что зуб на зуб не попадал. Егор подошел и встал рядом.

– Что ты помнишь последнее?

– Я села в поезд и заснула, – быстро затараторила я. – Был час пик, толпа народу, но мне удалось найти себе место и...

– Толпа народу, час пик? – Фома живо отвернулся от окна. – Мы про такие вещи уже успели забыть. Как и про общественный транспорт.

Я хотела возразить, но выражение лица Егора меня остановило.

– Народ, тихо! – Он поднял руку: по лестнице кто-то поднимался.

Стучали в двери, громко говорили, матерились. Я пыта-

лась вспомнить, закрывали ли мы за собой дверь. В нашу квартиру несколько раз глухо ударили кулаком, потоптались перед дверью, видимо, прислушиваясь, и пошли дальше.

Под диваном заворчал домовый.

– Знаете, что мне нравится? – внезапно сказал Юрий, и все посмотрели на него. – Что ты, – он ткнул пальцем в меня, – не впадаешь в истерику. Попросить психолога – это не истерика, я таких истеричек встречал, что любого ауку переорут. А еще знал одну, та вообще голосила, как бабка базарная.

С абсолютно довольным видом он сел на пол, поджав под себя ноги.

– А надо? В истерику впадать? Я настолько не понимаю, что происходит, что уже готова упасть на пол и орать, как ты сказал, до тех пор, пока мне все не расскажут. И обязательно упомяните в рассказе домового и этого, ауку какого-то.

Я была на грани, действительно хотелось заистерить, а лучше расплакаться рядом с домовым под диваном. Все мои попытки держать эмоции в себе с треском стали рушиться. Кремень-баба не желала сидеть рядом, а норовила сбежать, оставив испуганную, ничего не понимающую девочку одну. Я всегда была одна, но дома, в своем нормальном мире, это не пугало меня. Привычная жизнь интроверта, который находит путь к общению с социумом через творчество. Тихая жизнь в раковине собственных комплексов. Теперь раковины не было. Прятаться некуда. Есть я и трое незнакомых

мужчин в закрытой комнате. Паника сжирала меня изнутри.

– Так, может, вы мне расскажете?

– На это нет времени, – перебил меня Егор. – Отсюда надо уходить. В лес. Они сейчас вернутся сюда с Охотой и быстро нас найдут.

– С чем? – не поняла я.

– А те булькающие звуки внизу разве не были Охотой? – спросил Фома.

– Будь они Охотой, ты даже дверь не успел бы вскрыть, – ответил Егор. – Нет, это что-то в доме осталось из прежнего.

Я не поняла, о чем речь, а вот остальные поняли и немного посерели.

– Давайте хоть посмотрим, что здесь есть, и свалим. – Фома стал открывать шкафы и доставать все, что находил: тряпки, старое постельное белье, полусгнившие от сырости свитера.

Юра нашел на кухне коробок спичек, несколько ножей и полную жучков крупу. Егор стоял рядом со мной и в мардерстве участия не принимал.

– И давно тут так? – спросила я у него.

– Давно, – кивнул парень.

– Что будем делать? – спросил Фома, засовывая в найденный рюкзак плед и выжившие кофты.

– В плане? – не понял Юра.

– Ну, мы вместе пойдем или каждый сам за себя?

– Давайте пока что вместе, – предложил Егор. – Может,

гвардейцы нападут на след подрывателя, от нас отстанут и мы сможем нормально разойтись. Пока что вместе безопаснее.

Я в ужасе уставилась на Юру.

– Хорошо, а что мы будем в лесу делать? – Фома наконец справился с рюкзаком.

– Там, за МКАДом, есть заброшенная сторожка с защитой, укроемся в ней. Куда пойдем дальше, решим после.

Возражений не было. Наверное, только одной мне показалось странным, что Егор настоял, чтобы мы шли вместе. Моя подозрительность хваталась за любую мелочь, даже за странный жест, который сделал Егор возле двери, прежде чем ее открыть.

Уже начинался февраль, а на снег не было даже намека. Легкий морозец прихватил всю грязь в жесткие камни, при этом моросило, пляски температуры выглядели странно. Получается, земля здесь холоднее воздуха? Голые деревья стояли абсолютно черными столбами и навевали тоску. Что-то в этом мире было стабильно – нормальной зимы не видели давно.

Мы шли через заброшенный мост, весь расписанный местными умельцами. Он был ровно таким, каким я его запомнила. Старый, раздолбанный, местами проваливались ступеньки, а посреди моста, прямо над МКАДом, зияла дыра. Маленькой я очень боялась подходить к этой дыре: под ногами сновали машины, того гляди провалишься и попа-

десь под их жернова-колеса. Я даже помню, когда впервые увидела этот мост, подумала, что на него нельзя подниматься. Тяжелые металлические двери, установленные, чтобы лоси не выходили в город, пугали сильнее самих лосей. Мы как-то сделали невозможное – протиснулись в эти двери, пошли по ступенькам, а нам навстречу кто-то затопал. Как мы испугались!

От воспоминаний меня отвлек Юра, который провалился в дырку, громко ругнулся, вытащил ногу и посмотрел вниз. На дороге лежали обломки досок.

– Давай потише, – сказал Егор. – Меня беспокоит тот момент, что от нас очень легко отстали.

– Да, – согласился Фома, – они точно знали, что мы в квартире, но ничего не сделали.

– Может, решили, что Охота сама справится? – пожал плечами Юра.

– Охота нужна, чтобы найти, – возразил Фома. – То, что потом она делает с теми, кого нашла, – не важно, функция у нее не меняется. Сомневаюсь, что нас отпустили, потому что ждали Охоту.

– Что такое Охота? – подала голос я.

Мой вопрос проигнорировали. Не в первый раз.

Я надулась, перехватила взгляд Егора, тот покачал головой и одними губами произнес: «Потом». Что потом? Узнаю? Увижу? Потом будет уже поздно.

Мост вывел нас в лес, на утопанную тропинку. Сло-

манные ветки, утрамбованная в камень земля. Интересно, сколько человек прошло этой дорогой помимо нас?

– Уже много лет – только животные.

Как он это делает? Егор пугал меня своей манерой отвечать на незадаанный вопрос.

Тропинка постепенно переросла в дорогу, перепаханная тяжелой техникой глина застыла, превратилась в огромные каменные валуны, по которым оказалось очень тяжело идти. А что тут могло проехать, кроме танка, и оставить такое месиво, я вообще не представляю. Наверное, даже танк не прошел бы.

– Прошел.

– Да прекрати уже!

По дороге до сторожки Фома рассказывал про домовых. Что раньше эти существа жили в каждой квартире, где знали, как с ними общаться. Фома их в шутку называл домушниками. Он когда-то в детстве решил, что это незваные гости, поэтому и родилась такая ассоциация. За это его недолюбливал их домашний домовый. Но потом и недолюбливать некому стало. Когда умер последний знающий член семьи, иссякла жизнь домового.

Голос Фомы звучал тихо в брошенном лесу. Егор шагал впереди, Юра замыкал наш караван. Я шла и думала, что, скорее всего, я еще сплю, а это просто такой реалистичный сон, где ноги мерзнут от стылой земли и где по-настоящему страшно. Где нет домашних животных, да и в домах давно

нет людей. Просто плохой реалистичный сон. Не первый раз такой снится. И не каждый сон «икает» в плане логики и перемещений в пространстве.

– Если бы это был сон, то я бы очень хотел проснуться. – Кажется, последнюю фразу я произнесла вслух, и Фома решил, что она адресована ему. – Но сны шрамы не оставляют.

Он поднял край куртки, показав пухловатый бок с кривым алым шрамом.

– Это я своих пытался защитить, но не получилось. Если бы они решили, что я не умер, то добились бы.

– Мне кажется, ты драматизируешь, – подал голос Юра. – Тебя никто не тронул бы, не полезь ты на рожон.

– Не защищай я свою семью, ты хочешь сказать? – Фома напрягся.

– Да нет, ты не так понял. – Юра отпрянул и сошел с дороги, опасаясь, что прилетит топором.

Я этого тоже опасалась, оказавшись между ними, и вопросительно посмотрела на Егора.

– То, что тебя это обошло стороной, – сказал тот Юре, – не значит, что с другими оно поступило так же. В некоторых районах была настоящая бойня.

Я еще больше запуталась. Сознание стало рисовать жуткие картинки восстания, с колдунами впереди всей армии. У каждого колдуна за пазухой сидел домовый, или домушник, а все они тащили огромные перевернутые деревья. От сюрреальной ситуации даже передернуло.

– Все куда прозаичнее. – Егор стоял совсем рядом и странно смотрел на меня. – Мы почти дошли, в доме расскажем, что было.

– Если сама до этого времени не вспомнишь, – вставил свои пять копеек Юра.

Дом был красивый, я всегда мечтала жить в таком: двухэтажный, бревенчатый, с большим участком. Металлический забор, который раньше так трепетно красили каждую весну, здорово облупился. Но это было практически незаметно за огромным количеством странных символов, навязанных из веток и веревок. Знаки висели на деревьях, на крыльце, на окнах – везде, куда можно было дотянуться.

Помню, в моем нормальном мире тут жили медведи, блогеры приезжали на фотосессии. А теперь периодически ночевали те, кто уходил из города. Пытался уйти, как заметил Егор. Если верить Фоме, то этот охотничий домик – самое защищенное место во всей округе, перевалочный пункт, куда можно прийти переждать непогоду, съесть, что найдешь, оставить гостинцы от себя другим и идти дальше. Если получится. Казалось бы, в ста метрах от МКАДа, а уже какая-то глушь. За забором стояла тишина, только от холода периодически скрипели деревья.

Вся жизнь ушла в центр, так говорили мои новые знакомые. И не верить им не получалось. За все время, что мы тут бегали, я не встретила никого. Район действительно вымер. В нормальном мире даже ночью не было так тихо, как здесь

сегодня днем.

Еда нашлась в погребе: пожухлая картошка, проросший лук и тушенка. Странная троица этому так обрадовалась, словно обнаружила не картофельные заморыши, а целую тыкву или батат.

– Наверное, опасно печку топить, дым заметят, – с сожалением сказал Фома. – Придут за нами.

Я хотела спросить: а разве знаки на заборе нас не защищают? Мне показалось, что именно в них все и дело. Благодаря этим странным ниточкам-палочкам дом – самое безопасное место. Но Юра меня опередил:

– Да не придут они сюда. Сейчас вся движуха в центре. – Он брякнул это мимоходом, перебирая овощи.

Фома и Егор переглянулись. Последний нахмурился.

– А ты это откуда знаешь? – Фома сел, а Юра, снова начав суетиться, замялся.

– Знаю, – буркнул он себе под нос.

– Слушай, хватит уже! – озверел Фома. – Ты про этот чертов взрыв знал, точно знал, что он будет, причем даже назвал это «спланированной акцией». Это, случайно, не твои ребята все склады пожгли на прошлой неделе? Вы чего хотите добиться? Вывести из себя центр? Чтобы они не просто каждую неделю районы патрулировали, чтобы согнали сюда всех озверевших всяких-разных? Вы этого добиваетесь?

– Да они там погибли! – заорал вдруг Юрий. – Да, мы пытаемся хоть как-то изменить то, что сейчас происходит, вы-

тащить из норы тех, кто засел в центре и только отдает приказы. Показать, что мы еще можем бороться, даже без поддержки знающих. Кстати, именно поэтому от нас отстали. Трое, ну ладно, четверо непонятных беглецов не так интересны гвардии, как наши акции возле самой верхушки.

– И как успехи? – Егор был единственным очагом спокойствия в этом хаосе. – Помогают ваши акции?

Юра промолчал, оставил продукты и принялся выбирать сухие поленья. Фома чистил печку от старых углей.

– Был бы снег, можно было бы сварить картошку, – сказала я, вскрывая банку тушенки ножом. Металл гнулся, нож его не резал, а мял, и в итоге банку я не открыла, а разворотила на части.

– У нас много лет нет снега, – заговорил Юра, уже гораздо спокойнее. – Многие считают, что это из-за того, что всех знаток уничтожили. С тех пор холодно, а снега нет. И лета нет. Дождей нормальных тоже нет. Только мерзкая, непрекращающаяся серая морось.

– Время вечного тлена, – согласно проговорил Фома, засунув по локоть руку в печь.

Дом тихо погрузился в бытовые заботы.

– Так, может, теперь вы мне расскажете, что случилось? – снова закинула я удочку. – Раз нам никуда бежать не надо и время подходящее, мне кажется.

Да нечего рассказывать. – Фома отвлекся от печи. – Официальная версия: экологическая катастрофа, куча болезней,

часть которых быстро мутировала. Как следствие – смена власти. Да ты сама должна это все знать. Амнезия амнезией, но такие вещи не забываются. А новая власть решила, что не надо нам тех, кто знает больше остальных. Ну и вынесла приказ их всех уничтожить.

– Не, – возразил Юра. – Они сказали, что из-за таких людей вирус и мутирует. Обычным не выжить, если так дальше дело пойдет, ген у них типа слабее, нетренированный. А процент обычных, естественно, выше, чем знающих, вот и пошли на крайние меры, чтобы спасти всех.

– Да не так все было! – возмутился Фома.

– Ну давай, расскажи мне, я же здесь не жил, – парировал Юра.

– Кто такие знатки? – вклинилась я.

– Знатками называли тех, кто умел общаться с духами, навьими сущностями, – заговорил Егор. – Знающие умели лечить словами, видели больше остальных, отличали правду от лжи. И очень не любили, когда их называли ведьмами или колдунами. Обычные люди тут тоже по чуть-чуть поколдовывают, но знатки пользовали силу на полную.

– И их всех убили. – Фома сплюнул на пол и вытер плевком пяткой. – Я считаю, что все эти сказки с вирусами и мутацией были предлогом убрать неудобных.

– Это очень жестоко, – поежилась я.

Они говорили много странных и жутких вещей, которые никак не хотели укладываться у меня в голове. В моем нор-

мальном мире не было даже предпосылок к перевороту. Да и знающих тоже не было. Все домовые ютились только в сказках, а не в темных углах квартир. «Поколдовывали» у нас разве что тарологи и современные ведьмы. И то все их колдовство больше было похоже на внутреннюю игру с архетипами. Я читала про это доклад на истории искусств.

– Нет, жестоко то, что взялся за это дело знающий. – Фома злобно пнул печку. – Стал уничтожать своих же.

Я бы хотела прекратить поток воспоминаний, но это цунами было уже не остановить.

– Лучший ищейка во всей стране. – Юра уже развел огонь в печи и подкладывал дрова.

Я посмотрела на Егора, который отстраненно глядел куда-то мимо всех, сидел, погруженный в свои мысли.

– Ага, лучший. – Фома явно бесился. – Я его найду и сделаю лучшим мертвым ищейкой.

– А, так вот что ты забыл в спальном районе. – Юра отошел от печи, вытирая руки о кофту. – Я все гадал, что нас всех собрало на заброшенной станции в такое время. Прямо час пик, не иначе.

Юра хохотнул своей не очень удачной шутке.

– Да, прошел слух, что это чудовище вынуждено теперь само скрываться. – В голосе Фомы прозвучало удовлетворенное злорадство. – Вот я его найду и убью. Ему все равно не жить, лучше это буду я.

– Почему лучше ты? – Егор словно проснулся. – А ты его

хоть раз видел? Кого хоть ищешь?

– Нет, но я его узнаю, как только увижу. Я видел, как он убивал, его движения. Хочу посмотреть ему в глаза и спросить, добился ли он того, что хотел.

– Хочешь обогнать Охоту?

Все замолчали.

– Что такое Охота? – Я отчеканила каждое слово, громко, чтобы услышал каждый.

Точно никто не знает, – ответил Егор. – Это какая-то сущность, или субстанция, или событие, которое всегда выполняет свою роль. А роль одна – искать.

– Про Охоту могли знать знатки, – подхватил Фома. – Но их всех убили. Наша дорогая новая власть вырезала часть населения. Охота нашла всех.

– Наши говорят, что Охоту создал палач, чтобы она помогала ему. А теперь сам от нее скрывается, – развеселился Юра.

Сложно было свыкнуться с мыслью, что кто-то реально отдал приказ убивать людей. Людей, которые составляли важную часть общества, общались с навьим миром, и это было абсолютно естественно. Вокруг этого строился быт.

Даже сейчас, когда мы только вошли в дом, Фома проверил, не остался ли где домушник. Нашли только сгнивший тапочек и войлочную шапку. Хозяин дома давно погиб.

Я сидела возле окна и смотрела на зимний бесснежный лес. В голове звенела тишина. Хаос вытеснил все мысли, и

теперь их надо было собирать заново. Заново выращивать на новой реальности и пытаться понять, как в этой реальности жить. Я привыкла жить одна в своей удобной и понятной норе. Но когда нору сломали, обломки раскидали, а основу извратили, все удобство исчезло. Я искала отправную точку, тот момент, когда моя жизнь изменилась. Пыталась понять, куда уехал поезд, который сохранил мне эту странную, нелогичную часть жизни.

Этот мир трещал по швам, что-то не сходилось, не увязывалось, как и три моих таких разных спутника. Я читала много историй про переходы, попаданцев, постапокалиптический мир и знала, какие правила должны работать в этих мирах, чтобы в них верили. И сейчас я не верила. Несмотря на яркую картинку, детали и атмосферу, что-то продолжало кричать, что мир ненастоящий. Белыми грубыми нитками сметали жизнь вокруг, чтобы одна часть в нее верила и продолжала быть, а другая исчезла.

Я отвела взгляд от окна и посмотрела на Егора. Тот улыбался. Я смутилась, резко повернула голову обратно, защемила шею, скривилась и чуть не разревелась.

Меня отвлек Юра, который уронил металлические миски.

– Куда потом? – Оставив миски в покое, он заглянул в печку.

– Предлагаю в район вернуться, раз нас никто не ищет. – Фома вытащил свой топор и принялся чистить лезвие.

– Мне в район нельзя, – испуганно сказал Юра.

– Это почему еще? Ты же сказал, что все сейчас в центре, за тобой никто не явится.

– Я засветился, рацию свою около метро выкинул.

Фома только головой покачал. Юра отлип от печки и стал наворачивать круги по дому.

– Слухи ходят, что убийца в спальном районе, – сказал Фома, вытянув ноги и отложив топор.

– Которых сотни, – заметил Знат. – Почему он именно здесь, а не, скажем, в Новогиреево, Перово или вообще Бутово?

– Слухи говорят, что здесь.

– И кому здесь Слухи разносить? – Егор уже закончил с приготовлением обеда и раскладывал похлебку по мискам.

Да тут много всякой нечисти осталось, меня бабка учила ее находить. А я плохо учился, только знаю, что есть всякие-разные. На этом мои знания заканчиваются. Но слушать их я все-таки научился. Он любят, когда их слушают. И они зарождают Слухи. А Слух – он такой, где запустили, там и побежал. В общем, я точно знаю, что палач близко, просто прячется от нас. Стыдно честным людям на глаза попадаться после всего, что он натворил.

Обед получился вкусным. Может, это из-за того, что я весь день не ела, а может, атмосфера располагала именно к такой пище. Тарелки с остатками еды выставили на улицу, чтобы покормить местных и те не совались в дом. Весь вечер эти местные чавкали за порогом и переругивались. А утром

мы нашли все тарелки вычищенными до блеска и сложенными в пирамидку.

– Всех знающих убили, а все равно какие-то вещи от них остались, – довольно сообщил Фома. – Не верю, что никто не выжил. Говорят, есть где-то еще такие люди, не добрался до них палач, даже с помощью Охоты.

– А еще говорят, что он убил всех, никого не осталось, – парировал Юра.

Я не стала слушать дальше их препирательства и ушла на второй этаж. Книги, сундуки с истлевшим тряпьем, останки какой-то живности – все пахло плесенью, гнилью и никак не хотело прогреваться, хотя трубы от печки проходили через весь дом и должны были греть каждый угол.

Я открыла одну из книг, не нашла ничего интересно-го: просто учебник по вычислительной технике. Несколько сборников со стихами поэтов Серебряного века, старые листовки, кипа знакомой цветной бумаги, печатная машинка и письмо, чернила в котором настолько растеклись, что содержимое понять было невозможно.

Я прислушалась, снизу мои спутники мерились своими достижениями. Громче всех хвастался Юра. Заскрипели ступеньки, и ко мне поднялся Егор.

– Человек, который раньше здесь жил, – начал он, – занимался тем, что прятал всех, кого хотели убить. Все знаки на заборах, царапины на стенах – все это сделано для того, чтобы защитить, ты правильно догадалась. Именно по-

этому этот дом до сих пор считается самой защищенной крепостью. Сюда даже Охота не может проникнуть. Только если ее кто-нибудь не принесет.

Я молча кивнула и посмотрела на стены. Знаки были такие бледные, что я бы и не обратила на них внимание. Сверху, среди балок под крышей, что-то пробежало, и посыпался мусор.

– Ты быстро привыкнешь, что на самом деле наш мир куда богаче на всякую живность, чем кажется.

– Это не мой мир.

Егор опять улыбнулся и кивнул. Он что-то недоговаривал, чем очень меня бесил. Они все трое страшно меня стали бесить своим обыденным отношением ко всему, что происходило. Подумаешь, вырезали треть населения, подумаешь, живут все непонятно как, подумаешь, инфраструктура города убита.

Подумаешь...

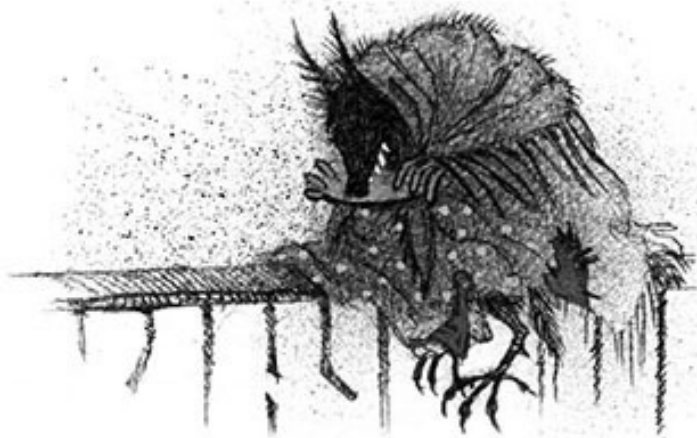
– Дай себе время, чтобы все узнать самой. – Егор, оказывается, не ушел, а стоял на лестнице и смотрел на меня.

– Дай себе время, чтобы проснуться, – парировала я.

Если получится, – пожал плечами он.

Гл. 3

Оно не появилось сразу: вчера все хорошо, а сегодня рухнуло. Нет. Беда росла постепенно. Сначала ошибся один знак, потом второй. За ошибками потянулись проблемы. Появились семьи, в которых домовые душили кошек, а магазины не могли избавиться от тварей, сжирающих продукты. Транспорт вставал из-за стай собак, устраивающих грызню. Выйти на улицу было невозможно, птицы бросались на головы.

Столица оказалась охваченной странной чумой, где и люди, и навьи твари пытались друг друга уничтожить.

А потом прекратилась связь с другими городами. Люди болели и не могли уйти из города, знатки не могли помочь. Все их попытки заговорить болезни либо оставались без результата, либо усугубляли недуг.

Людская ненависть крепла, становилась все более осязаемой. На некоторых улицах ее можно было даже потрогать, провалиться в густое смрадное желе, от которого не отмыться.

Никто не знает, откуда пришло решение, что знающих надо уничтожить. Никто не высказал возражений.

Беды так сильно ударили по жизни, что жуткий приказ казался единственно правильным выходом. В знатках больше не нуждались. Никому не надо было заговаривать воду или спасать урожай. Люди шарахались от всего, что было связано с ладной силой, боялись семенящих через город всяких-разных.

Они перестали бояться одного – убивать.

* * *

Утром я вспомнила про картину. Интересно, ее передали в бюро находок или кто-то утащил к себе в коллекцию? Мысли о прошлой и такой близкой жизни накрыли словно похмелье, очень захотелось поплакать. Рядом храпел Фома, положив под щеку топор. Вечером, когда мужчина начищал лезвие до блеска, он рассказал, что это родовое оружие при-

надлежало деду, а тому перешло от прадеда. Только ручка рассохлась, поэтому Фома сам выстругал новую из крепкой древесины. Носил теперь с собой этот утяжелитель как память, разговаривал с ним, будто этот топор живой.

Юра уткнулся носом в стену и ворчал во сне. Из всей троицы он был самым беспокойным, даже ночью постоянно вскрикивал и с кем-то спорил, чем будил Фому. Тот открывал один глаз, хмуро смотрел, перехватывал топор и опять засыпал.

Егора в доме не оказалось. Его последние слова заставили меня нервничать и проверять каждый сантиметр вокруг себя, искать хоть что-нибудь, что могло выдать сон. Мне почему-то было мало домовых и прочей нечисти. Тем более что в той квартире мог обитать вообще не домовый, а крыса. Настоящих домовщиков я не видела. Да и рассказы этой троицы – много чего можно придумать. Очень хотелось снова пообщаться с Егором, он знал куда больше, чем остальные, и мог это рассказать в двух словах, а не растекаться мыслью по древу. Я накинула поверх куртки старую телогрейку, которую нашла на чердаке вечером, и вышла на улицу. Светало. Невозможно понять, откуда поднималось солнце, одинаково серое небо со всех сторон угнетало.

Егора я нашла за территорией участка, он стоял возле дороги и смотрел куда-то в лес, в руках держал поломанный знак из веток.

– Видишь, следы. – Он показал мне глубокие борозды, как

от лыж или палок, не поздоровался, даже не повернулся ко мне. – Это не человек, но шло оно за нами. И ушло дальше в лес.

Я подошла ближе.

– Похоже на лыжню в грязи, как на снегу бывает. Это точно не человек? – недоверчиво посмотрела я на Егора.

– Лыжня в грязи, хорошее сравнение. – Он улыбнулся. – Когда будешь видеть такие вот обычные вещи в самом странном исполнении, знай, что это не человек. Ни один нормальный человек не наденет лыжи в такую погоду.

Я кивнула, подумав, что Егор вполне мог быть таким человеком: надеть лыжи и елозить ими по грязевой жиже. В тихом омуте, как говорится, чего только не найдешь. Его белые кроссовки – я только сейчас обратила внимание на обувь – были идеально белыми. Слегка потертыми, стоптанными, с черными следами на шнурках от колец. Но белыми.

– А оно вернется? – спросила я, немного помолчав, решив принять правила игры.

– Да, оно же чует, где мы. – Егор отстраненно улыбнулся. – И тебя чует, твои странные вопросы.

– Не менее странные, чем вы все, – парировала я.

– Ты действительно не помнишь ничего?

– Нет, а должна? У меня после этой ночи вообще ощущение, что я во сне. Не помню, правда, спала ли я во сне или нет.

– Не сон это, – грустно сказал Егор, доломал веточки и вы-

кинул подальше от забора. Потом засунул руку в карман, достал из кармана какой-то камень с дыркой, повесил на оставшуюся от знака веревку и сунул мне.

– И что это?

– Речная галька, знающие верили, что она может защитить от беды.

– И как? Защищала?

– Не знаю, у них ее не было. Реки редко делают подарки.

С этими словами он развернулся и пошел в сторону дома. Я осталась стоять за забором и смотреть на гальку в руке. Станный Егор, странный подарок, странный лес, в который ходят на лыжах по самой грязи. В какой-то момент мне показалось, что камень удлинился. Я моргнула, но ничего не произошло.

Лес тяжело вздохнул, словно согласился с моими мыслями, закрипел деревьями. Кто-то прошуршал легкими лапами совсем рядом и затих.

Я смотрела на деревья, сжимая в руке камень, а деревья расплывались, уползли мутными волнами, сквозь которые виднелось золотое поле. От странных иллюзий закружилась голова, я убрала камень в карман. Лес опять вздохнул, и я услышала: «Знай-знай-знай». Знаний мне определенно не хватало. Вот Егор что-то знал, причем куда больше Фомы и Юры. Он словно играл по правилам этого мира. Мира, в который меня засунули, хотя я этого не желала.

Из леса запахло болотом, и я поскорее пошла к дому.

По дороге к крыльцу я попыталась восстановить картину произошедшего, машинально засунула руки в карманы и сжала камень.

Итак, я проснулась в том же вагоне, где заснула, на своей конечной станции. Рядом со мной теперь три человека, которых я никогда раньше не видела, абсолютная разруха и ожидание тьмы, которое стало частью этого мира.

Достала камень из кармана: он точно стал менять форму, плыл так же, как деревья.

Я споткнулась о кочку, чуть не уронила гальку, обернулась и заорала. На меня из лесу смотрело жуткое существо с обвисшими веками, оно открыло рот и что-то мне сказала. Но я не услышала ни слова. На вопль из дома никто не выскочил, будто я и не кричала во все легкие, срывая горло. Замолчать удалось только когда я, поскользнувшись, упала и больно ударилась о землю. Существо исчезло. Горло саднило, а в ушах звенело.

В доме все шло как обычно: Юра воевал с печью, Фома обнимался с топором, а Егор читал старую газету.

– Вы ничего не слышали? – сипло спросила я.

– А что мы должны были услышать? – подал голос Юра.

– Ну, крики, – неуверенно сказала я.

– Слышали, – хохотнул Юра, я нахмурилась, – под крышей всю ночь чайки кричали.

– Ага, чайки, – отозвался Фома. – Одна чайка, которая никак не могла заткнуться до рассвета.

Юра пропустил это замечание мимо ушей.

Получается, меня никто не слышал. Опять странно, жутко и очень неприятно. Остался только Егор, но он ничем не выдавал себя, сидел и читал газету.

– Ты тоже ничего не слышал? – Я села напротив и заглянула в газету.

Егор внимательно посмотрел на меня.

– Кого ты видела?

– Я тебе сейчас лицо откушу! – прорычала я, сама от себя не ожидая. И была готова исполнить угрозу.

Можно долго испытывать чужое терпение, и в один прекрасный момент оно закончится. Можно долго водить человека загадками вокруг да около, и в один прекрасный момент ему это надоест.

Егор засмеялся, громко, привлекая к себе внимание. А потом успокоился так же резко, как завелся.

– Так кого ты видела?

– Понятия не имею, – злобно ответила я. – Но я очень испугалась и кричала, а ко мне никто не вышел. А если бы на меня напали?

– На территорию это нечто не зайдет, а с речной галькой оно и увидеть тебя не может. Я же тебе сказал, что это защита.

– Значит, ты меня слышал?

– Только глухой такие вопли пропустил бы. Так мы выяснили, что Фома и Юра – глухие и, скорее всего, слепые. Мо-

гут не бояться того, кто шел за нами. Оно нападет, а эти даже не заметят.

Мне стало очень холодно под телогрейкой, я прижалась спиной к нагревающейся печке и еще раз посмотрела на камень. Теперь он был похож на бегущего человечка или веточку.

Чтобы успокоиться, я стала наблюдать за Юрой и Фомой. Глухие, почему они глухие? Они ведь все слышат, отвечают. И не слепые. Фома же говорил, что дома у него домовой жил.

Еще он рассказывал, что одержим мезтью и его цель – найти этого палача, который придумал убить всех знающих, повторял это несколько раз в день. Правда, я очень сомневалась, что он вообще способен хоть кого-нибудь убить, потому как даже самую мелкую дрянь не мог выгнать из дома. В поленице жила крыса, которая забежала в дом и спряталась за печкой, и Фома сказал, что не будет трогать животное, вдруг раздавит.

А Юра очень бурно переживал за какого-то своего друга. Последнее, что он слышал в рации, были крики с одной из точек. Гвардейцы накрыли отряд раньше, чем он смог провернуть свою акцию. Еще Юра постоянно корил себя за то, что выкинул свою рацию. Сначала, мол, испугался, что по ней его могут засечь, теперь страдал, что потерял единственную связь со своими.

Егор продолжал читать. Я скосила глаза, хотела посмотреть, что же такого интересного в этой старой газете, но крас-

ка выщвела, в перевернутом состоянии ничего не разберешь.

– Самая жесьь была, когда все только началось. – Фома вдруг ударился в воспоминания, отстав наконец от топора. – Стали собирать данные со всех семей: насколько у кого древний род, сколько родственников, были ли разводы, кто умеет общаться со всякими, кому передавали умение. Первыми под удар попали старики, естественно.

– Да, у меня соседка была, – вставил Юра. – Классная бабка, у нее белье всегда сохло, даже под дождем, а кошка весь дом от мышей спасала. За ней пришли, когда последний снег выпал, а как увели, снег пропал.

– После первой ночи вообще нормальная погода прекратилась. – Егор включился в разговор, сел рядом с печкой, прислонившись спиной к теплой стенке. – Как и нормальная жизнь.

Все опять замолчали.

– Мы в район пойдем? – встрепенулся вдруг Фома.

– Так не хочется, – пробормотал Юра.

– Никому не хочется, но и жить тут не получится. – Топор с досадой воткнулся в скамейку. – Кто-то ходит вокруг постоянно.

– Фома, – Егор вдруг резко подался к нему, – а ты, случайно, не знающий? Переругов подкормил, останки домового обнаружил, видишь кого-то.

– Да ты что! – испугался тот. – Я же говорю, что плохо у бабки своей учился. Могу по мелочи только, что помню.

– Все мы здесь по мелочи, – заметил Егор.

Фома промолчал.

– А я рацию хочу свою найти. – Юра вдруг подорвался и выскочил на улицу, но потом вернулся. – Только я бы переоделся во что-нибудь потеплее, там прям дубак.

Фома молча махнул на рюкзак, который вчера бросили и забыли. Пледы нашлись дома, а про одежду никто и не подумал.

– А мы всей толпой пойдем? – спросила я.

– Хочешь, оставайся, – ответил мне Юра.

Я замотала головой. Уж лучше таскаться с ними, чем сидеть и дергаться от любого шороха.

* * *

Поезд выехал из тоннеля и остановился на пустой станции. Двери бесшумно открылись и замерли. Он спал, запрокинув голову, руки сжимали рюкзак. Музыка в телефоне давно закончилась, и наушники висели ненужными каплями в ушах. Рюкзак сползал по скользкой ткани пальто, руки машинально подтягивали его обратно. Парень всхрапнул из-за неудобной позы и проснулся, увидел, что поезд уже стоит, и поспешил выйти.

До сонного человека не сразу дошло, что станция пустая, свет на ней приглушенный, а поезд стоит и не собирается никуда уезжать. И нет в том поезде машиниста, а рядом де-

журного. Не слышно уборочных машин, трущих пол резиновыми щетками.

В руках завибрировал телефон, пришло уведомление: абонент покинул зону покрытия своего оператора, связь временно отсутствует.

– Что за нафиг?

Он спрятал наушники в рюкзак, закинул лямки на плечи, а телефон убрал в карман.

На улице тоже оказалось очень тихо, но здесь был одинокий дворник, который с усердием чесал метлой едва прикрытый снегом асфальт.

Улица выглядела так же, и дома такие же, но все равно что-то было здесь не так... Уже не совсем сонный человек внимательно смотрел на *не свой* район. Чистый, ухоженный, точно такой же, в котором он прожил свои двадцать с лишним лет, но определенно чужой.

– Извините, – рискнул он обратиться к дворнику. – А куда я попал? Территориально.

Дворник отвлекся от своего занятия и посмотрел на парня. Потребовалось собрать все самообладание, чтобы не заорать: у дворника не было лица. Там, где он привык видеть глаза, нос, рот, – зияли ямы. Просто черепушка, обтянутая тонкой кожей. Говорить дворник не мог, возможно, видеть тоже не мог, но точно слышал. Он перестал мести улицу и наклонил голову, осматривая неосторожного прохожего темными провалами глазниц.

– Извините...

Стоило уйти от страшного недочеловека как можно дальше, чтобы не догнал, не коснулся. От одной мысли о прикосновении аж передернуло.

– Эй, парень, – окликнул его кто-то.

Из ближайшего подъезда выглядывала всклокоченная голова какой-то бабки.

– Ты чего здесь шляешься? Комендантский час, не слышал, что ли?

– Извините. – Он уже в третий раз говорит это слово. – Я хотел уточнить, где я оказался. А там человек без лица.

– Не трогай его, пусть стоит в покое, тогда и тебя не тронет, это знатки удружили. – Бабка с горечью посмотрела на уборщика и покачала головой. – А ты потерялся, значит?

Парень кивнул.

– А тебя как звать?

– Зна. – Он замялся, очень уж созвучно было его имя с теми, кого здесь, кажется, не очень жаловали. – Егор, меня зовут Егор.

– Волков пасешь? – пошутила бабка.

– Вроде того, – улыбнулся парень.

– Заходи, пока тебя всякие-разные не сожрали, они ночью особенно бешеные. Тяжелые времена настали, ой тяжелые.

– И давно?

Да последние две недели так, – махнула рукой бабка, уводя Егора вверх по лестнице. – Еще события так быстро раз-

виваются, я уже не успеваю за ними следить. Это вам, молодым, надо не упустить вожжи. Мы свое уже пожили.

Егор улыбнулся: хоть мир и другой и вещи тут происходят странные, но говорила эта старая женщина точно так же, как любимый дед.

– А ты молодец, ничему не удивляешься, – похвалила Егора бабка. – Другие такие в истерике с первых минут бьются.

– События так быстро разворачиваются, – ответил Егор, – что я даже не успеваю удивляться. Еще удивлюсь, не переживайте.

– Да можно уже и не удивляться, – хихикнули рядом совсем другим голосом и быстро затопали по стене, убегая куда-то выше.

* * *

За нами определенно кто-то пришел, и Фома с Юрой это тоже увидели. Та самая лыжня в грязи теперь полностью опоясывала наш дом и вела обратно к городу. В лес уходили странные следы, похожие на очень длинные отпечатки человеческих ступней. Там даже подошвы угадывались.

– Интересно, как оно по ступенькам на таких лыжах передвигается? – поинтересовался Юра.

Я мысленно представила, как эта тварь переступает длинными ногами по мосту. Жуткому мосту, который меня пугал, когда я была маленькой, и продолжал пугать сейчас. С

такими же проломанными ступеньками, через которые надо было перепрыгивать. Этот мост казался мрачным напоминанием о том, что будет, если люди уйдут с насиженных мест. Сейчас это стало памятником всему, что тут случилось.

– А может, оно не через мост, а через дорогу сигает? Пролезает сквозь забор и чешет по асфальту, – поддержал идею Фома.

– Ага, осталось только понять, кто этот кто-то. Давайте все-таки к метро сходим, заодно и этого кого-то поищем?

– Так мы же уже решили, что идем, – не поняла я.

Желание Юры найти свою рацию стало перерастать в какую-то манию. Он был уверен, что его ищут и что, найди мы средство связи, он сможет договориться со своей командой и нас всех сопроводят в другой район. Что там, в этом другом районе, никто не знал, но уж всяко лучше, чем здесь, в брошенном доме, вокруг которого наворачивает круги всякое странное.

Юра так яростно доказывал, что его послушают и нас точно выведут, что Фома не выдержал.

– Может, ты нам все сразу расскажешь? – В его интонациях я услышала те самые нотки, с которыми Юра хвалил меня за отсутствие истерики. – А то тут, то там всплывают все новые и новые подробности, а цельной картинкой не получается. Теперь вот, оказывается, эти все отряды еще и под тобой. Врун ты, и только.

– А ты, можно подумать, весь из себя такой правед-

ный мститель, правосудие совершить хочешь, – огрызнулся Юра. – Мы про тебя тоже ничего не знаем. Шаришься по спальным районам с топором. Может, ты из мародеров? Вон как лихо всю квартиру осмотрел, сразу нашел, что годно, а что нет. Может, у тебя и трагедии никакой не было? Напоролся на топор во сне, вот и придумал байку, чтобы позорный шрам объяснить.

– Да как ты смеешь?! – Фома подскочил и выхватил топор из-за пояса.

– Носишься с древним куском металла как с писаной торбой, – не унимался Юра, шаря глазами по дому в поисках оружия.

– Я тебе сейчас этот древний кусок промеж глаз всажу! – заорал Фома.

Егор сидел в углу и смотрел на свару, потом перевел взгляд куда-то в угол и улыбнулся своей, уже фирменной, улыбкой.

– Кажется, в доме переруги, – проговорил он задумчиво. – Доподкармливались.

– Да помолчи ты, не до тебя, – отмахнулся от Егора Фома, готовясь метнуть топор.

Юра успел вовремя нагнуться: оружие просвистело над головой и отскочило от печки, углом лезвия задев Юрину руку, но только слегка поцарапало.

– Да ты обалдел! – Юра накинулся на Фому.
Завязалась драка.

Я вылетела на улицу, не хотелось попасть в этот вихрь из рук и ног. Следом вышел Егор.

– Они друг друга не убьют? – спросила я, прислушиваясь к звукам из дома.

– Синяки новые поставят и успокоятся, – ответил тот и поднял голову к небу.

Я посмотрела туда же. Облака висели плотным белым полотном, местами с серыми пятнами. Мороси, к которой я уже успела привыкнуть и на которую не обращала внимания, не было. Из рта густо выходил пар, на улице действительно стало заметно холоднее.

– Снег пошел, – сказал Егор задумчиво, – это хорошо. Это признак перемен.

Я удивленно посмотрела на парня, потом еще раз на небо. Действительно, оттуда медленно падали снежинки. Мелкие-мелкие, еле заметные на фоне светлых облаков, но удивительно яркие на темных волосах Егора.

– Вы говорили, что тут очень давно не было снега, – заметила я.

– Да, последний раз шел снег, когда убили первого знатка. В тот день белые мухи кружили особенно резво, мешали бойцам сосредоточиться. Словно не хотели, чтобы эта бойня начиналась. Интересно, есть ли у снега способность думать?

– Фома говорил, что остался последний знающий, который может все исправить. Может, этот первый снег – надежда, что все вернется?

– Не вернется, – покачал головой Егор. – Всех знающих убил палач. Вот только не палач он вовсе, они сами к нему шли.

– Потому что он был одним из них? – уточнила я.

Егор кивнул, открыл дверь и встал за нее.

– Выпусти злыдней-переруг за порог, – сказал он мне.

Я посторонилась. Клубы грязи, ворча и поливая друга друга отборным матом, вылетели яростным вихрем и скрылись в высохших ветках гортензии. Наверное, летом она очень густо цветет.

Я посмотрела вслед злыдням, а потом перевела взгляд на Егора.

Слухи ходят про последнего знающего. Последнего. Который всех убил. Которого все ищут. И хоть я не верю в этот мир, у него есть свои правила и свои персонажи. И я поняла, наконец-то поняла, что за персонаж Егор. Что именно он забыл в спальном районе вместе с этими нелепыми мстителями. Почему вел себя так, будто ему очень больно от всей этой истории, но другого выбора у него не было.

– Егор, – позвала я тихо.

Он не услышал, зашел в дом, ветром закрыло дверь.

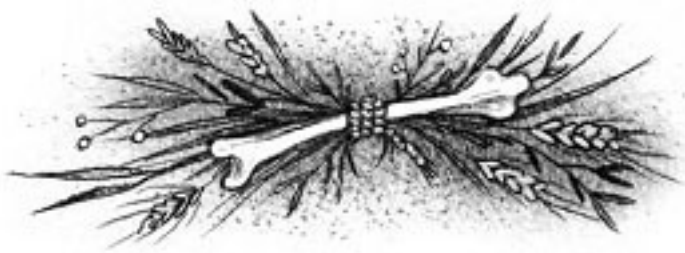
– Егор, я знаю, что ты здесь делаешь. – Я говорила шепотом, боясь, что он меня услышит, однако при этом очень желая обратного.

Паника охватила меня. Захотелось выть, бежать в лес, потеряться, попасть на рога лосю. Что угодно, только не захо-

дить в дом. В дом, где каждый из них мог убить. Угроздило же заснуть в метро и оказаться в компании отбитых на все три головы!

– Да все правильно, так и надо, – сказали у меня под ногами два голоса и с громким топотом убежали в лес.

Я обернулась им вслед. Между черными деревьями стояла пустота и снова смотрела на меня. Пустота очень хотела подойти ближе, но защита не пускала. Я больше не кричала от ее вида, не было смысла. Тогда пустота развернулась и ушла в сторону города, загребая черными ногами так сильно, что борозды в грязи стали глубже. Не было никаких лыж, просто это существо вообще не поднимало свои длинные ступни.

Гл. 4

– Много вас таких, залетных, стало попадаться. – Бабка активно замешивала тесто на столе. – Вот как первый запах появился, так словно калитку отворили. То раз в год случайно провалитесь, а теперь каждый месяц. Уже замучились отпевать.

– Кто появился? – переспросил Егор.

– Иваныч, который улицы метет, человеком раньше был, семья, дом, но все у него померли.

– Почему?

– Да кто ж их знает? У нас же ничего не говорят, не объяс-

няют. Неудачно заговорили одного, передалось на другого, теперь вот по цепочке. И если знатки эти как-то могут защититься, то людям обычным никакой защиты. Мрут как мухи. Так вот, померли у него все, и некому стало передавать память дальше. Вот и осталась его душа за людской памятью. То бишь запямятом стал.

– Но вы же его помните, знаете.

– А я не в счет, мне недолго осталось.

– Странно это. – Егор смотрел, как говорливая бабка отщипнула от теста кусочек и закинула куда-то на шкаф.

Там чихнули, подняли клуб пыли и радостно зачавкали.

– Про это никому не говори, – хитро прищурилась бабка.

– Вы же вроде не жалуете все вот это вот... – Егор кивнул в сторону шкафа.

– Не жалую, – согласилась бабка. – Но я всю жизнь этим пользовалась и не стремлюсь от этого отказываться только потому, что какой-то безголовый колдун не справился с ладной силой, чем ее очернил.

Чем бабка, которая кормит тестом какую-то странную сущность на шкафу, отличается от колдуна, Егор так и не понял и поспешил сменить тему:

– Так что случилось?

– А нет одной версии. Слухи разносят одно, официалы – другое, и вот сидишь и пытаешься понять, а где середина. Поэтому придется тебе самому до нее докопаться. В общих чертах, пришла беда. И теперь мы в ней.

Я зашла в дом следом за Егором, тихо шмыгнула к своему месту у окна и села. Тот обернулся, посмотрел на меня и просто пожал плечами.

Просто. Пожал. Плечами.

Могу поспорить, что он понял, о чем я думала. Фома так часто трещал про свою миссию найти этого палача, делился мнением, куда этот ирод мог деться. Абсолютно уверенный, что из города он не уходил, ведь никто из города уйти не может. И в городе он открыто не ходил, такие люди приманивают себе подобных, за ним паровозом шли бы всякие-разные.

И почему у Фомы даже мысли не возникало, что это может быть Егор? А что будет, если я выскажу эту мысль? Если за ним охотятся, значит, быть рядом опаснее, чем одному блуждать по городу.

Я снова посмотрела на Егора, тот покачал головой.

– А если ваш мир ненастоящий? – сказала я не то, что хотела, и нахмурилась.

– В плане? – отозвался Фома.

– Ну, если вы, вот это все, – я обвела рукой пространство, – мой сон, а я сплю сейчас в вагоне, потому что страшно вымоталась и потеряла картину?

– О, так ты художник? – Юра зацепился явно не за ту мысль, которую я ожидала.

– Да, я рисую. Не о том речь, – попыталась я вернуться к теме.

– А портрет нарисуешь? – спросил Фома.

– Вы издеваетесь?

– Почему сразу издеваемся? – обиделся Фома. – Так просто спрашиваем. Вдруг ты умеешь рисовать портреты.

– Умею, – буркнула я. – Но что вы все-таки скажете, если этот мир ненастоящий?

– Если? – переспросил Юра. – А ты докажи, что это «если» так и есть.

Он с силой ущипнул себя и показал мне расплывающийся синяк.

– Скажешь, выдуманный? – Юра потряс рукой прямо у меня под носом.

Запах пота буквально сшиб меня с лавки, заставил закашляться и отвернуться.

– Запахи, по-твоему, тоже выдуманные? – спросил Егор со своего места.

Он издевался! Убийца.

Я сначала страшно испугалась своего открытия, но теперь мне просто стало противно.

У него руки были по локоть в крови. Он в ней купался, устроил себе кровавый дождь, потоп. Я не знаю, считал ли кто, сколько народу он угробил, но меня просто воротило от его общества. Такой красивый, располагающий к себе, такой гнилой внутри.

И он понял, что я чувствую, когда он смотрит на меня или проходит мимо. А спокоен он по той причине, что я Фоме ни за что не открою этой тайны. Даже если я попытаюсь, у меня не получится. Мне никто не поверит, как не поверили моим сомнениям по поводу всего происходящего. А еще мне стало казаться, что Егор ждал, что я раньше догадаюсь. Было слишком много подсказок. Он сам давал эти подсказки, хотел, чтобы я знала, кто он на самом деле.

И эта пустота за деревьями пришла за ним. За последним знающим.

Я охнула, Егор посмотрел в мою сторону. Моя картина.

Она же называлась «Последний знающий». Это было слишком большим совпадением. Но я рисовала человека, у которого не было выбора, который делал свою мертвую работу, потому что знал: дальше будет свет. Знал, что за его выбором стоит будущее.

От мыслей отвлек Юра.

– Давайте все-таки дойдем до метро, там по дороге куча продуктовых во дворах, а нам надо пополнить запасы. – Он приложил к синяку банку с тушенкой.

– И где-то там валяется твоя рация, – заметил Фома.

Они еще злобно посматривали друг на друга, но уже не нападали, не пытались задеть или оскорбить. Может, дело было действительно в злыднях-переругах, которых подкормил Фома?

Я уже никуда не хотела идти, самое страшное зло нахо-

дилось совсем рядом. Егор сказал, что, кажется, простыл, поэтому лучше тоже посидит в натопленном доме. Фома с Юрой не стали спорить и ушли вместе.

Один все надеялся наткнуться на палача в городе, а второй уже надоел со своей рацией.

Я хотела поговорить с Егором. Меня мучил вопрос: зачем он все это делал? Мог ли отказаться? Совпадение с моей картиной не давало покоя.

* * *

Одиночество пожирало изнутри. Оно уже давно было частью жизни: один в квартире, один на прогулке, по магазинам тоже один. Но иногда становилось особенно тяжело, когда надо было принимать сложное решение, когда некому было посоветовать, как правильно, как лучше. Когда никто не стоит за спиной, даже не зная ответа, но готовый принять любые последствия. В эти моменты одиночество пожирало изнутри.

Он помнил его глаза. Испуганные, но холодные. Старик считался самым сильным знатком в городе. В многомиллионной столице, где каждый – самый сильный. Серые глаза стали почти белыми, как его борода и брови. Волос на голове почти не осталось, они выбивались жиденькими пучками из-под черной шерстяной шапки. Он не сопротивлялся, когда за ним пришли, не пытался скрыть, что вся семья состоит

из знающих. Он молча встал, глядя на вывернутую с корнем дверь своей квартиры, так же молча подошел к родным, поцеловал каждого в лоб.

Как же хотелось, чтобы в этот момент старый знаток сказал, что решение правильное и другого быть не может. Но тот молчал, он тоже не знал, что будет в итоге. Внутреннее чутье подсказывало, что сейчас надо быть покорным, а что там будет дальше....

Палач терпеливо ждал. Для этого дела была выдана черная гвардейская форма. Форма сдавливала в груди, слишком туго завязывался узел на вороте. Слишком жесткими были ботинки. Слишком душной оказалась квартира первого знающего. Кто придумал эту форму? Неужели в умирающем городе еще было кому-то дело до того, как выглядят марионетки?

Старик вышел на улицу, никак не отреагировав на тычки гвардейцев. За его спиной еле сдерживали слезы супруга и дети. С неба густо валил снег. Не было видно ничего дальше протянутой руки.

Убивать надо было глядя в глаза. Чтобы видеть, что сила в них погасла. Убивать надо было так, чтобы от знающего не осталось ничего. Убивать надо было так, чтобы никто ничего не заподозрил.

Снег падал на бороду старику и таял от его дыхания.

– Борись, мальчик, – прошептал знаток на прощание. – Все идет так, как надо.

Одиночество на миг отступило, дав возможность вдохнуть и выдохнуть. Деваться некуда, надо просто это сделать.

Тело рассыпалось в пыль. Снежинки, эти назойливые белые мухи, исчезли моментально, превратились в воду, которая мелкой взвесью осыпала стоящих вокруг палачей и их работу.

* * *

Паническая атака всегда приходит очень не вовремя, стискивает где-то в районе горла, и невозможно ни вытолкнуть воздух из себя, ни пустить новый.

Я помирала от страха, ожидая, что Егор кинется на меня, начнет колдовать или просто заговорит. Я так хотела с ним поговорить и так боялась произнести хоть слово. А он медленно топил печь, медленно выгонял из избы очередных духов, так же медленно подходил к окну и смотрел на черное пятно среди деревьев.

Он тянул время.

Я так и не решилась завести диалог, Фома и Юра скоро вернулись, встревоженные и запутавшиеся.

– Мы перешли через мост и должны были спуститься на той стороне, – начал сразу Фома. – Но оказались здесь. Развернулись, попробовали еще раз – та же фигня.

– Попытались по одному пройти, – вклинился в рассказ Юра, – но получилось то же самое. Я стоял, ждал Фому у

лестницы, он поднялся наверх, быстро побежал в сторону города, а выбежал ко мне.

Егор нахмурился.

– Бабка говорила, что, когда путь так закольцовывается, это кто-то закрыл дорогу, – закончил Фома.

– Наверное, тот, кто ходит вокруг дома, – предположил Юра. – Хочет нас голодом заморить и в лес увести.

– И там сожрать, ага, – скептически заметил Егор. – Этот кто-то не хочет, чтобы мы разделялись. Подозреваю, что, если мы все вместе пойдем, мост пропустит.

– А что такого в том, что мы разделимся? – спросила я.

– Не по плану, – коротко ответил Егор, чем очень напугал меня.

– По чьему плану?

Тревожность зашкаливала, мне тяжело было дышать, а в компании этой троицы я вообще стала стараться лишний раз не сотрясать воздух. Каждый из них может убить, каждый это уже делал. Я не хотела думать, что будет дальше, когда им всем надоест прятаться, когда Фома все же догадается, что его жертва стоит совсем рядом. Тогда Егор начнет защищаться, а Юра притащит своих людей. До кучи еще можно добавить гвардейцев, и тогда я просто помру от переживаний, а не от шальной пули или случайного попадания топора. И пусть я продолжала твердить себе, мол, весь этот мир – чья-то чертова выдумка, ведь он все еще разваливается у меня на глазах, я не была уверена, что в безопасности. Что

не развалюсь вместе с ним. Мозг бунтовал.

Забавно, что меньше всего меня заботила черная тьма, которая закрыла выход в город. Перестали удивлять мелкие демоны и духи, они теперь выглядели такой естественной частью этого мира, что без них тут было бы пусто. Иногда я представляла, каким был дом с домовым. Наверное, говорливым. Легче понимать, что это не мой мир, другой, со своими правилами, а я тут просто гостья, случайно заскочила, в метро заснула и до сих пор не могу проснуться. Рука в кармане нащупала блокнотик и карандаш.

Первая страница пустая, всегда пустая. Я не рисую на первых страницах. А дальше какие-то фонари, лавочки, деревья. Всякая мелочь, которую я умещаю в небольшом формате. Рисунки без смысла, чтобы отвлечься. На обложке рисунок, который очень не нравится бабушке. У меня сжалось сердце, когда я достала блокнотик и посмотрела на него. Как там моя бабушка? Если меня тревожностью ломает, то что происходит сейчас с ней?

Мы все сидели и молчали. Могу поспорить, что каждый ждал, когда решение придет само. Я так иногда делаю, когда не знаю, куда двигаться дальше. Просто сажусь и жду.

В абсолютной тишине из лесу стали негромко звать Фому. Фома подорвался.

– Любка?

Он бросился к окну, пытаясь разглядеть среди лысых деревьев хоть что-нибудь.

– ЛЮБА! – заорал он и побежал.

Буквально выпал на улицу, полетел с крыльца и метнулся было в лес, но в него вцепился Егор.

– Стой! Это аука, туда нельзя, погибнешь!

– Я тоже слышу, что меня зовут, – бесцветно произнес Юра. – Меня оно зовет.

– Оно всех зовет, а значит, пора уходить. Чем дольше зовет, тем сложнее терпеть.

Фома затрясся в объятиях Егора и медленно опустился на землю.

– У нас есть только один выход, – медленно заговорил Егор. – Сейчас же уйти из дома обратно в город, знаки нас долго не смогут защищать, еда заканчивается. То, что хочет нас выманить, позвало ауку. Да, мы нигде не будем в безопасности, но в городе больше мест, где можно спрятаться. А лес нас просто сожрет.

Я посмотрела в сторону леса и вскрикнула. То, что я видела мельком, – жуть с обвисшей кожей – теперь показало себя достаточно четко, чтобы его бояться.

Черная тьма оформилась в высокого и очень худого мужичка. У него были невозможно длинные ступни, опущенные ниже колен узловатые руки, покрытые пятнами грязи. Но самое жуткое – это его лицо. Высохшее, обтянутое желтовато-серой кожей, с высоким лбом, потертой кепкой, сдвинутой на затылок. Когда он открыл рот, вывалился длинный синий язык и с чмоком упал ему на ноги. Из пасти потекла

черная грязь. Меня чуть не стошнило. Я перевела взгляд на Егора и впервые увидела в его глазах ужас.

Он был хорошо знаком с этим существом и, судя по реакции, ожидал увидеть его позже.

– Надеюсь, то, что я тебе дал, у тебя, – еле слышно проговорил он, поднял на ноги Фому, пихнул в сторону дороги Юру и, пятясь, пошел следом.

Я нащупала в кармане подарок. Речная галька в виде человечка-веточки была на месте. Я очень хотела достать, посмотреть, но что-то меня остановило. Почувствовала, что существу нельзя знать об этом подарке.

Мы бежали к мосту, оскальзываясь на замерзшей грязи. Сзади шаркало оно.

Как и говорил Егор, мост пропустил нас всех, но мы еле успели спрятаться от гвардейцев, которые дежурили с этой стороны.

Район оказался буквально наводнен людьми в форме.

– Что значит это дерево? – тихо спросила я Егора.

– Перевернутый дуб. Желание унижить самый главный символ ладного мира, показать, что у Великого дуба тут власти больше нет, – скороговоркой ответил тот.

Мы пошли через лес вдоль дороги, прячась за поваленными деревьями и пытаясь разглядеть на той стороне жуткое существо.

– Надо как-то добраться до метро, – опять завел свою волюнку Юра.

Слушай, может, мы просто свалим из этого района? – спросил Фома. – На кой черт тебе сдалась эта рация? Найдешь связь с ними в другом районе. Вы же наверняка где-то базируетесь. Воспользуешься чашкой, на худой конец.

– Базируемся на севере, – ответил Юра. – Мы туда несколько дней идти будем. А водой у нас никто не пользуется.

– Лучше уж мы туда дойдем, чем поляжем у метро, – стоял на своем Фома. – И зря вы самую стабильную связь отвергаете.

– Так нам все равно идти мимо метро, через центр, через весь город!

Егор терпеливо слушал очередные препирательства.

– Надо заглянуть в твою не твою квартиру, – сказал он вдруг мне. – Она же рядом с лесом?

Я ничего не поняла, но на всякий случай кивнула: стало интересно посмотреть, как выглядит мой не мой дом здесь.

– Слушайте, я только сейчас заметил, – выдал Фома, – снег идет. Мелкий, но снег. Нормальный снег!

– Ой, и правда, – эхом подхватил Юра.

Егор лишь покачал головой. У меня больше не было вопросов, почему эти двое еще не догадались, кто палач. Они не только глухи к некоторым вещам, но и действительно слепы. Так же слепы, как все в моем мире. Я споткнулась от этой догадки.

– Верно. – Егор подхватил меня, а заодно и мои мысли.

– А что в той квартире?

– Надо посмотреть, чего там нет, – ответил Егор. – Ключи далеко?

Я звякнула карманом. Они все это время были у меня под рукой, переплелись с веревкой от камушка. Интересно, подойдут ли эти ключи к замку.

Когда мы пробирались к моему дому, я порадовалась, что в свое время на этом пустыре построили каток, бесполезный металлический сарай и множество маленьких домиков, где когда-то базировался садовый центр. Это все хорошо закрывало нас от гвардейцев, и, кажется, Егор тоже сыграл в этом свою роль. Я не знаю другого объяснения, почему все гвардейцы смотрели в противоположную от нас сторону, никто не повернул к нам головы.

Ключи без проблем подошли к замку, дверь открылась. Нас встретил такой же гнилостный запах, что и в первой квартире. Ногами я зацепила старую влажную тряпочку.

– Недавно умер, – сказал Фома, изучая оставшееся от домового тряпье. – За хозяйкой не смог пойти.

Это что же получается? За бабушкой также пришел Егор или его шакалы? Или все-таки этот мир не близнец, а мой. Просто странно вывернутый. Не может же в этом месте жить вторая я с моей второй бабушкой. Или может? Я просто хотела отключить сознание, не думать.

А еще хотелось злиться, но не получалось даже обижаться. И чего я не поговорила с Егором? Столько раз оставалась

с ним один на один. Он бы уже давно меня убил, если бы хотел. Моя чертова нерешительность, которая в очередной раз играет очень плохую шутку.

Егор уверенным шагом пошел в мою комнату. Не мою.

Но расположение мебели здесь было почти таким же, как дома. Так же стоял мольберт прямо напротив входа.

И я ожидала увидеть его пустым. Образ забытой в вагоне картины всплывал сам собой.

Большой холст, я такие форматы никогда не беру, а тут диплом, надо показать, что формат для дипломированного художника не проблема. Серые стены тоннеля, золотое поле, тело, лежащее среди колосьев. Я так живо видела свой собственный проект.

– Ого, круто нарисовано, – присвистнул Юра.

– Ага, у мастера талант.

– Ой, а этот чувак на тебя похож. – Юра встал напротив моей картины и явно сравнивал пальто Егора и последнего знающего.

Моя картина стояла в не моей комнате, на не моем мольберте, в не моем мире.

Я.

Хотела.

Заорать.

Егор медленно обернулся и посмотрел на меня. Да, я нарисовала его пальто. Шляпы только у него не было, обувь другая, но пальто... Это было то самое пальто.

– Я ее в метро забыла. – Это получилось настолько бесцветно и обреченно, что я даже засомневалась, мой ли голос прозвучал.

Все ждала, что начну хотя бы плакать. Общая усталость, мучения с картиной, потом этот жуткий убитый мир, где все хоть и очень знакомо, при этом такое искусственное и шарнирное, – это должно было меня добить. Но я не чувствовала ничего.

Егор, не меняя выражения лица, подошел ко мне, я отступила. Он собирался что-то сказать, но в этот момент Фома, подошедший к окну, охнул:

– Смотрите, что птицы творят!

Про картину забыли сразу.

Мы обычно не обращаем внимания на птиц. Ну летают и летают, гадят, клюют все, что рассыпано. А иногда стоит на них посмотреть. Я видела, как птицы стаями летали над заброшенным районом. С земли они казались куда больше нормальных голубей или ворон.

Эти птицы застыли в воздухе. Одна висела совсем близко к нашему окну. Она была огромная, будто помесь ворона и орла: крючковатый мощный клюв, перья и пустые белые глаза, которые заглядывали в самую душу. Из клюва сочилась тонкая черная струйка и исчезала, улетая к земле. Все птицы были мертвы и замерли в воздухе. Я просто знала, что они мертвы. Они висели над домами, ветер колыхал перья, снежинки строили маленькие башенки на черных телах. У ме-

ня из окна была видна школа, и над ее территорией застыла целая мертвая стая.

– А что ты чувствовала, когда рисовала картину? – спросил Егор.

Я не услышала в вопросе ни злости, ни разочарования. Был только интерес.

– Одиночество, спокойствие и печаль, – ответила я, отвернувшись от птиц.

Егор улыбнулся и кивнул.

– Это хорошо.

Я не поняла. Что именно хорошо.

– Вы хотели увидеть Охоту, – громко произнес Егор. – Рад представить вам то, от чего невозможно скрыться.

Мертвая стая страшных птиц была той самой странной Охотой.

Гл. 5

Я не очень понимала, что теперь надо делать: бежать от птиц или ждать, когда кто-нибудь придет. И чем больше я на них смотрела, тем меньше они пугали. Ну висят и висят в воздухе. Жутковато смотрится район, над которым застыли десятки мертвых птиц, у каждой свое положение крыльев. С каждой капает какая-то черная слизь. И все, больше ничего не происходит. Они не нападают, не орут, не пытаются разбить окна. Просто висят в воздухе.

Страшнее только картина, которая стоит в соседней комнате и которой там быть не должно!

– Надо уходить, – сказал Егор.

Почему он так странно отреагировал?

Я не могла нарисовать его, я его не знала. А пальто – таких пальто в модных подборках в Сети тонны. Каждый второй выбирает себе трендовую вещь, чтобы выделяться. В итоге сливается с толпой. Я рисовала это пальто просто из головы. Но нарисовала те же пуговицы, такие же отвороты, даже оттенок совпал.

В ушах звенело, а потом в мире выключили все звуки. И мои собственные мысли казались теперь оглушительно громкими. А вместе с тишиной пришел холод. Причем такой, что куртки не спасали. Этот холод пробился в самое утро, заставляя дрожать всем телом. Меня и так знобило, а тут заколотило так, что я обхватила себя руками, чтобы унять дрожь. Заметила, что осталась без рюкзака. Он был почти пустой, буквально невесомый, поэтому даже не обратила внимания, где и когда его оставила. Что в нем таскала, тоже не помнила, возможно, документы.

– Может, глянем, что осталось в ближайшем магазине, и вернемся в лес? – спросил Фома. – Там хотя бы топить можно.

Вот только зачем? Мы только ушли оттуда, решили, что там небезопасно. А теперь возвращаться?

Мы молча вышли на улицу, споткнулись о замершую у самого асфальта птицу. На улице тянуло гарью, в квартире из-за холода мы даже не обратили внимания, что изменился

воздух. Из-за леса поднимался черный столб дыма.

– Нет больше нашего дома, – вздохнул Юра.

– А может, это все-таки не наш дом?

– А что там еще есть? Ничего.

Оттягивать поход к метро больше не было смысла, и мы побрели через район, постоянно оглядываясь, пригибаясь от каждого шороха. Над головами висели мертвые птицы.

* * *

Последний рассыпался пылью. Орал, кричал, проклинал, прежде чем замолчать навсегда. Часть его души соединилась с остальными. Еще одна крупица в общий котел. Черные птицы в небе лениво взмахнули крыльями и пропали. Работа была сделана.

Гвардейцы стояли, вытянувшись в струну. Ждали приказа. И если раньше ими распоряжался Егор, то теперь командование вернулось к главной беде.

Рядом медленно несла воду река. Что чистили ее канал, что не чистили – она так же отталкивала и пугала.

И вода была единственным выходом.

Егор не стал ждать, когда нападут на него, сорвался с места, перепрыгнул через ограду и скользнул по холодным склизким камням в воду.

– Вода – это переход, – прошептал он.

Мир дрогнул, и Колесо повернулось, подхватывая мокры-

ми руками заговор.

Гвардейцы поймали лишь воздух в сантиметре от его волос. Тяжело дышали сквозь маски и смотрели, как скрывается в темной воде пальто.

Вода – это переход.

Этому научили в первую очередь. Если надо сбежать, то позови воду. Вода поможет. Вода знает правила. Вода уважает тех, кто следует этим правилам.

Река пронесла Егора через пространство и отпустила в пруду посреди леса. Сквозь деревья проглядывал охотничий домик. Лес вокруг неприятно гудел, шелкал ветками, смотрел злыми огоньками глаз застрывших в городе лесавок.

Если смотреть по карте, то город и так обступали леса заповедников и парков, сейчас они сомкнулись в единое кольцо, не пересечь, не выйти. И застряли в этом кольце и люди, и всякие-разные.

– Убивец, – шептал лес разными голосами, – проклятый убивец! Недолго тебе осталось, человеческая тварь.

Егор выбрался из пруда, стащил тяжелое от воды пальто и пошел в сторону дома.

Вокруг забора, на заборе, даже на стенах – везде были диковинные палочные знаки, скрученные из веток и сухой травы.

– Странная мысль – сделать в лесу защищенный уголок, все равно из города не выйти, – пробормотал Егор.

– Это для тебя, – проговорили совсем рядом. – И для тех,

кого ты приведешь и научишь.

Егор не стал оборачиваться, он узнал этот голос и хорошо уже понял – бесполезно искать, кто говорит.

Всякие-разные имеют дурацкую привычку прятаться и подменять собственный облик. Правда, это существо говорило, что его природа отличается от низшей нечисти. Не подруга ему кикимора, которая портит продукты в соседней «Пятерочке».

Дорога до дома заняла больше времени, чем он ожидал. Из-за сырости грязь липла к подошвам, а от холодной воды сводило ноги. Внутри печь оказалась натопленной, по стенам топотали, а на чердаке двигали какие-то тяжести.

– Не переживай, эти скоро съедут, – опять тот же голос.

Егор расправил пальто возле печки и встряхнул, из кармана вылетело что-то тяжелое и с грохотом покатилося в угол.

– Ого, подарок!

– От кого?

Егор достал из темноты гладкий овальный камушек с дыркой под шнурок.

– От реки, но не тебе.

– Знаешь, было бы в разы проще, если бы ты сразу говорил все и не загадками, – тяжело вздохнул молодой человек и сел возле печки.

– Ты знаешь ровно столько, сколько тебе нужно.

– У вас всех дурная манера давать не полную картину, а так, по частям. Авось прокатит.

Голос явно обиделся и больше никак себя не обнаруживал.

* * *

Юра буквально подпрыгивал, пока мы шли к метро. Его рукам снова вернулось беспокойство: он то прятал кисти в карманы, то расстегивал куртку, то пытался поправить несуществующую шапку на голове, в итоге хватался за волосы.

Приходилось петлять по дворам и прятаться между остатками кирпичных гаражей, когда гвардейцы проходили мимо. Смысл птиц над головой все больше терялся: они продолжали висеть и ничего не делать. Только периодически капала и обжигала черная жижа с их клювов.

Не скажу, что я часто гуляла по своему району, но на каждой площадке всегда кто-нибудь тусовался. Оттого печально было смотреть на пустые ржавые качели, потрескавшиеся пластиковые горки и развалившиеся песочницы. Тут постаралось время, потому что после бойни все люди ушли в центр. Мародеры почти не ходили по спальным районам, эти места считали бедными, и тут нечем было поживиться. Все самое дорогое либо уничтожили, либо забрали с собой. А одежда в мире, где весом обладала только внутренняя сила, была уже не нужна.

Фома внезапно подхватил мои мысли и, глядя с отрешенным видом на гнутые качели, стал рассказывать, как раньше

одевалась молодежь. Раньше – это в его детстве, лет двадцать назад. Сейчас почти так же, но как-то более расслабленно.

Я улыбнулась. У Фомы когда-то были дети, поэтому он разбирался в том, что любили, а что не любили в нашем «прогрессивном» мире. А судя по разговору, понимал даже лучше меня, хотя я была в этой среде. Но для меня мода принесла только возможность носить платья с кроссовками и прятаться в безразмерные свитера. Удобство для художника чаще становится куда более весомым аргументом, чем красота. Хотя это не всегда. Иногда было настроение надеть что-нибудь элегантно.

Юра в очередной раз споткнулся о половинку шины, и я наконец обратила внимание, что мы проходим по одной и той же улице уже третий раз.

– Мы что, кружим? – спросила я у Егора.

– Ага, нас водят, – ответил тот.

Юра еще больше занервничал. Мы все успели запомнить, что ему надо было на соседнюю улицу, где он выкинул рацию. Он не давал отвлечься от этой мысли.

– Это то же самое существо, что нас через мост не пускало? – уточнил Фома. – Аука которое.

– Ты точно плохо учился, – заметил Егор. – Аука – это просто голос. Он не закрывает пространство, просто прячется везде и подражает на разные лады. То, что закрыло мост и водит сейчас нас туда-сюда, куда хуже простой ауки.

– Это то, что мы видели, с синим языком, – прошептала я.

Ответил не Егор, над ухом прошипели «верно» совершенно другим голосом. У меня подкосились ноги, и я вовремя успела отпрыгнуть – длинные руки царапнули по асфальту, существо заверещало.

– Бежим! – не своим голосом заорал Юра и рванул вперед.

Улица наконец-то сменилась. Юра резко затормозил и стал шарить в кустах.

– Погубит его эта ерунда. – В тоне Егора не было ничего хорошего.

Рация нашлась почти сразу. Лежала на видном месте, я даже подумала, что ее специально так положили. В тот момент, когда мы убегали от метро, Юра швырнул ее не глядя, но с очень хорошей амплитудой. Она просто не могла лежать так близко, буквально на виду.

– Почему это все похоже на какую-то очевиднейшую ловушку? – спросила я. – Из дома не выпускают, если идем не все. По улице водят, словно время тянут.

– Может, потому что это и есть ловушка?

Я бы очень хотела сейчас знать то, что знает Егор, чтобы быть такой же спокойной. Все будто продолжает идти по плану, который он давно хорошо изучил, и никакой организатор этого самого плана ему не страшен. Кроме того существа, которое сейчас от нас отстало. Потому что ему так было удобно. Ему удобно было передвигаться и быстро, и невообразимо медленно, удобно было пугать нас и отпускать вперед. Оно словно играло с нами.

– Штаб, прием, штаб! – затараторил в рацию Юра. – Штаб, это Главный, штаб, прием! Штаб Главному.

В рации какое-то время была тишина. Я уже подумала, что нет на той стороне никого, Юра просто обманывается. Но рация ожила, защелкала и ответила:

– Штаб в канале, Главный, штаб в канале!

Юра чуть не подпрыгнул с воплем «спасены». В его восторге потонуло тихое слово Егора «обречены».

– Главный, Главный, вы сейчас где?

– У метро, где основная точка была, – ответил в рацию Юра. – Тут полный район гвардейцев.

– Вас поняли, продвигайтесь к метро, туда подъедет наш транспорт, он вас вывезет.

Рация шелкнула и замолчала.

– Транспорт? – переспросил Юра. – Каким образом им удалось обзавестись транспортом? У нас никогда не было ни машины, ничего, слишком заметно, слишком сложно угнать. Все машины, которые сейчас на ходу, отслеживаются. Невозможно! Вау!

Все вокруг буквально вопило о подставе, но почему это видела только я? И, наверное, Егор. Но тот явно следовал какому-то плану, и я бы очень хотела знать какому. Фому тоже не насторожило то, что у штаба внезапно появилась какая-то машина, он радостно похлопывал друга по плечу и улыбался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.